

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ И АЛЕКСАНДР БЛОК

(предварительные заметки)

Рильке и Блок... Имена эти воспринимаются не просто как имена двух великих поэтов. Каждое из них приобрело в наши дни почти символическое звучание; с ними связываются представления не только о поэзии, но и о высокой духовности, нравственности, о мучительных исканиях сути и смысла человеческого бытия. Каждое из них — вершина в развитии национальной поэзии XX века, германской и русской, и более того — эпоха культуры, вобравшая в себя многие, подчас разнонаправленные течения своего времени. Неудивительно, что имена Рильке и Блока принято ставить рядом, сближать их не только в литературной, но и в духовно-исторической перспективе¹. Вероятно, наиболее удачную формулу нашла Марина Цветаева, полагавшая, что Блок — это «лучшая Россия», а Рильке — «лучшая Германия»².

Творчество Блока сопоставимо с поэзией Рильке во многих отношениях. Оба сформировались как поэты независимо друг от друга, однако тенденции, определившие их творческое становление, были в значительной мере схожими. Неприятие современных форм жизни, нежелание мириться с заурядной повседневностью и мещанской моралью, бунт против духовного обезличения человека, вера в возможное обновление мира — таковы наиболее существенные из этих тенденций. Родство поэтов нетрудно обнаружить также, взглядываясь в их литературные истоки. И тот и другой отдала — каждый по-своему — дань «новому искусству». Рильке в юности развивался под сильным воздействием «неоромантических» устремлений в Германии 90-х годов; аналогичными веяниями был захвачен в свое время и Блок. Так, свойственный той эпохе религиозно-мистический пафос обнаруживает себя и в раннем творчестве Рильке («Часослов»), и в лирике молодого Блока («Стихи о Прекрасной Даме»). Исходя из общего для них обоих неприятия ортодоксального христианства, и Рильке, и Блок стремились открыть для себя неискаженный образ «живого» и «подлинного» Бога. Блуждающий по миру, нищий и оборванный Христос молодого Рильке («Видения Христа», 1897) и раскольничий «сжигающий» Христос, которого искал Блок в современной России, имеют общий генезис, хотя внешне совершенно не похожи друг на друга.

Романтическая тоска по идеалу и поиски духовного абсолюта лежат в основе свойственного обоим культа иррационально-жен-

ственного начала³, особенно ясно выраженного в ранней поэзии Блока. Любопытно, что не только Блок, но и Рильке пытался найти проявления этого начала в России — стране, к которой сводились думы и искания Блока после революции 1905 года («О Русь моя! Жена моя...») и в которой Рильке еще в начале века обрел свою «духовную родину». Впрочем, их понимание русского народа имело существенные различия, позволяющие — в известной мере — судить и о разнонаправленности творческих судеб. Воспринимавший Россию преимущественно в эстетическом плане, Рильке, особенно в поздние годы, все решительней удалялся в область «чистой» поэзии, доступную для немногих. Этот путь вел его к богу-певцу Орфею и ангелам «Дуинезских элегий». Блок же, напротив, все более отворачивался от аристократического понимания искусства, стремясь приблизиться к социально-общественной проблематике своего времени, к запросам национальной жизни.

Разобраться в том, что сближает и разделяет двух крупнейших лириков нашего века, — достойная, хотя и нелегкая задача для будущих исследователей. В настоящем очерке мы сознательно ограничиваем себя только одним сюжетом, предваряющим, на наш взгляд, осмысление громадной историко-литературной проблемы «Рильке и Блок», и пытаемся проследить лишь прижизненные связи, соединявшие друг с другом этих великих современников. Знали ли Блок произведения Рильке? Как воспринимал Рильке творчество Блока? Кто был посредником в его заочном знакомстве с Блоком и насколько глубоким было это знакомство? Таков круг вопросов, которые рассматриваются в нашей работе.

* * *

До 1904 года Блок, скорее всего, не знал имени Рильке. В годы своих поездок в Россию Рильке был малоизвестен даже в Германии, а кроме того, ни один из его русских знакомых не принадлежал непосредственно к символистскому направлению. Рильке, правда, регулярно читал журнал «Мир искусства» и интересовался некоторыми произведениями Мережковского, З. Гиппиус, Розанова и др., однако прямых контактов с этим кругом у него не было. Единственным «общим знакомым» Рильке и Блока следует, видимо, считать Александра Бенуа, с которым Рильке в 1900–1902 годах вел интенсивную переписку. Однако в 1902-м «русский период» в жизни Рильке обрывается: он переселяется в Париж и постепенно утрачивает связь с Россией. Блок же в самом начале века еще не выступал как поэт (первая публикация его стихов относится к 1903 году).

С 1904 года имя Рильке появляется на страницах главного печатного органа русских символистов — журнала «Весы», руководителем которого был Брюсов. Именно Брюсов оказался первым, кто начал пропагандировать в России творчество Рильке⁴; к этому побуждал его в те годы и молодой немецкий поэт Максимилиан Шик (уроженец Москвы), в то время берлинский корреспондент «Весов» и страстный поклонник Рильке⁵. Еще в 1903 году во вступлении к сборнику «Urbi et orbi» Брюсов писал, что «старался усвоить русской литературе некоторые особенности “свободного стиха” <...> удачно примененного в Германии Р. Дэмелем и Р. Рильке»⁶. Эту книгу Брюсова Блок хорошо знал; кроме того, он просматривал каждый номер «Весов», где имя Рильке и особенно Стефана Георге, признанного тогда вождя немецких символистов, постоянно упоминалось в статьях и обзорах по германской литературе. Уже в первом номере журнала (1904. № 1) была помещена краткая рецензия на «Книгу образов» Рильке, подписанная инициалами «М. Р.» (за ними укрывался Юргис Балтрушайтис).

Знакомство Блока с новейшей немецкой поэзией углубляется в 1905–1906 годах, когда у него завязываются отношения с молодым поэтом Гансом Гюнтером, которому суждено было стать первым переводчиком произведений Блока на немецкий язык.

Ганс Гюнтер, придавший (приблизительно с конца 1907 года) своему имени более «звучную» форму — Иоганнес фон Гюнтер (1886–1973), родился в городе Митава Курляндской губернии (ныне — Елгава в Латвии). В 1904 году недавний гимназист увидел на одной из художественных выставок в Риге несколько номеров московского журнала «Весы». Это случайное событие, как рассказывал Гюнтер много лет спустя в своих воспоминаниях⁷, определило его дальнейшую жизнь. Юный поэт обратился в редакцию «Весов», и вскоре оттуда пришел ответ, подписанный Брюсовым, а затем — несколько стихотворных сборников русских символистов (Бальмонта, Брюсова, Андрея Белого и др.). Познакомившись с ними, Гюнтер стал восторженным поклонником молодой русской поэзии. А в 1905 году, получив от московского издательства «Гриф» блоковские «Стихи о Прекрасной Даме», Гюнтер по собственной инициативе вступает в переписку с поэтом. 5 сентября 1905 года в письме из Митавы он благодарит поэта за «замечательную» книгу, восхищаясь прежде всего музыкальностью стихов. «...Не знаю, кого, кроме Верлена, можно было бы поставить рядом с Вами по музыкальности стиха», — пишет Гюнтер Блоку (по-немецки)⁸. Сообщая о том, что он переводит русских поэтов, Гюнтер просил Блока прислать ему автобиографию и фотографическую карточку и, кроме того, предоставить авторизацию (разрешение на перевод стихов).

Блок ответил Гюнтеру, и между ними завязалась оживленная переписка. Весной 1906 года Гюнтер впервые приехал в Петербург. Он познакомился с Блоком и его семьей, часто бывал у них дома. Блок отнесся к немецкому поэту с глубокой симпатией. Судя по воспоминаниям Гюнтера, он встретил его тепло и приветливо. А через несколько дней Блок написал стихотворение, посвященное Гюнтеру («Ты был осыпан звездным цветом...») и включенное в сборник «Нечаянная Радость» (М., 1907). Нет сомнений в том, что Блок воспринял в ту пору Гюнтера как своего единомышленника, близкого ему по духу и причастного к тайнам символизма. Об этом свидетельствует, например, дарственная надпись Блока на принадлежащем Гюнтеру экземпляре «Стихов о Прекрасной Даме»: «Hans Guenther'у от такого же одинокого и простого, как он. Будем всегда принимать друг друга с простотой и грустью. Александр Блок. 22 апреля 1906. СПб.»⁹. Тесные отношения между Блоком и Гюнтером продолжались несколько лет: поэты обменивались письмами, дарили друг другу свои стихотворные сборники¹⁰. Позднее, в 1909–1911 годах, между ними наметилось расхождение. Пытаясь изжить в себе «декадентские» черты, Блок, как известно, все более тяготел к «общественности», «народу» и демократическому искусству. Гюнтер же надолго остался приверженцем «искусства как такового», что привело его, в частности, к сближению с акмеистами и редакцией журнала «Аполлон», в котором он одно время сотрудничал.

В 1914 году Гюнтер навсегда расстался с Россией. Но верность ее культуре сохранил до конца своих дней. Став профессиональным литератором, он перевел на немецкий язык множество стихов, рассказов, повестей и романов русских классиков: Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Достоевского, Гончарова, Лескова, Чехова, Горького и т.д. Не изменил он и привязанностям своей юности: среди переведенных им авторов — Мережковский, Бальмонт, Андрей Белый, Брюсов, В. Иванов, Сологуб, Кузмин и др. Помимо этого Гюнтер составил и издал целый ряд антологий и сборников русских поэтов. В 1919 году он организовал в Мюнхене издательство «Musarion», широко печатавшее русских авторов. При этом Гюнтер продолжал писать и оригинальные сочинения — стихи, драмы, оперетты и даже исторические романы («Калиостро», «Распутин»).

Поэзия Блока сопровождала Гюнтера в течение всей жизни. Гюнтер перевел множество его стихотворений, поэму «Двенадцать», несколько пьес; после Второй мировой войны он издал в Мюнхене том «Сочинений» Блока в собственном переводе. К этому изданию Гюнтер написал обширное предисловие, в котором рассказывал между прочим о своих встречах с русским поэтом. В 1948 году это предисловие было напечатано отдельной брошюрой¹¹.

В сущности, Гюнтер был не только первым переводчиком Блока, но и первым из не-русских литераторов, обратившим внимание на тогда еще неизвестного на Западе (и почти неизвестного в России) поэта. В своих воспоминаниях Гюнтер упоминает о том, что уже в 1906 году он «на башне» Вячеслава Иванова предсказал Блоку славу великого поэта, что было со смехом встречено частью присутствующих¹². Самостоятельно «открыв» Блока, Гюнтер, бесспорно, обнаружил и подлинный вкус, и тонкое литературное чутье¹³.

Благодаря Гюнтеру «открыл» Блока и другой его переводчик на немецкий язык — Рейнгольд фон Вальтер (1882–1965). Сын протестантского пастора, Вальтер родился и вырос в Петербурге. Он изучал философию и теологию в Петербурге, Эрлангене, Дерпте. Познакомившись с Гюнтером в 1906 году, Вальтер «заразился» от него интересом к русской поэзии. В декабре 1906-го в Петербурге Вальтер лично знакомится с Блоком, а затем вступает с ним в переписку¹⁴. Работая вместе с Гюнтером, Вальтер также переводил «Стихи о Прекрасной Даме». Однако вскоре между ними произошел разрыв. Переселившись в Германию в 1918 году, Вальтер продолжал заниматься литературной и переводческой деятельностью: переводил русских авторов (Л. Толстого, Ф. Сологуба, Горького и др.), писал о них критические статьи. С 1926 года преподавал русский язык в Кельне.

Вальтер и прежде всего Гюнтер оказались посредниками в знакомстве Блока с современной немецкой поэзией. Они оба увлекались тогда символизмом и слагали собственные стихи в «неоромантическом» духе. Кумиром молодого Гюнтера был Стефан Георге. В воспоминаниях о Блоке Гюнтер утверждает, что «знал наизусть почти всего Георге и познакомил своих русских друзей с этим великим немецким поэтом»¹⁵. О том же говорится и в книге его воспоминаний «Жизнь на восточном ветру»¹⁶. Кроме того, и Гюнтер, и Вальтер были уже тогда поклонниками Рильке, известность которого на Западе в ту пору только начиналась. «Я читал Вальтеру стихи, — вспоминает Гюнтер. — Более всего нас увлекал тогда Рильке — автор “Книги образов”, только что появившейся вторым изданием¹⁷. Мы знали ее вскоре всю наизусть»¹⁸.

Не приходится сомневаться в том, что, рассказывая своим петербургским друзьям о современных немецких поэтах, Гюнтер говорил не только о Георге, но и о Рильке. «Мы говорили главным образом о стихах», — вспоминал он впоследствии¹⁹. Гюнтер сообщает также, что читал Блоку стихи Георге, которые, впрочем, не произвели на него большого впечатления («Я читал стихи Стефана Георге, но Блоку они не понравились»). Далее Гюнтер уточняет, что к «новейшей немецкой поэзии» Блок вообще относился «с поразительным равнодушием»²⁰.

Свидетельство Гюнтера, видимо, достоверное, требует пояснений, ибо отношение Блока к германской поэзии в целом далеко от того «равнодушия», с которым он воспринял поэзию Георге. Блок любил немецкую культуру и был ей многим обязан. Германский «романтический дух» был, вообще говоря, особенно близок «младшим» русским символистам, устремленным в начале века к мистическому и «запредельному». В.М. Жирмунский еще в 1914 году обратил внимание на то, что именно «символизм явился причиной оживления интереса к романтической поэзии»²¹. (Конечно, в этой связи следует говорить не только о немецких романтиках первой трети XIX века, но и о неоромантизме конца столетия, в том числе — о философских сочинениях Ницше.)

Германское влияние сказалось в мировосприятии и творчестве Блока, Андрея Белого, Вячеслава Иванова и других поэтов (хотя и преломилось у них по-разному). Молодому Блоку, например, созвучна прежде всего сама атмосфера романтизма — его таинственность, сказочность, аромат старины. Романтической дымкой древних преданий овеяны многие стихотворения молодого Блока:

Королева жила на высокой горе,
И над башней дымились прозрачные сны облаков.
Темный рыцарь в тяжелой кольчуге шептал о любви на заре
В те часы, когда Рейн выступал из своих берегов
(«Влюбленность», 1905).

О своем путешествии в «страну германской легенды» Блок с легкой иронией рассказал в статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь», где описаны средневековый немецкий городок неподалеку от Рейна, развалины старинного рыцарского замка и т.п. (Статья относится к 1906 году — начало и апогей его дружбы с Гюнтером.) Поэтический мир романо-германского средневековья воссоздан Блоком и в его лирической драме «Роза и Крест».

О знакомстве с немецкими романтиками свидетельствует блоковская библиотека. В ней были, например, на русском языке: «Генрих фон Офтердинген» Новалиса, «Размышления отшельника — любителя изящного» Тика, «Петер Шлемиль» Шамиссо, Собрание сочинений Гофмана, известный труд немецкого ученого Р. Гайма «Романтическая школа», книги В.М. Жирмунского («Немецкий романтизм и современная мистика» и «Религиозное отречение в истории немецкого романтизма»). Судя по обилию помет, книги Гайма и Жирмунского были прочитаны Блоком с особым вниманием²².

Характерно, что современники Блока видели в нем поэта, родственного по духу немецким романтикам. И.В. Одоевцева, например, воспроизводит по памяти слова Гумилева о Блоке:

Блок — романтик. Романтик чистейшей воды, и к тому же — немецкий романтик. Недаром он по отцу немец. <...> Немецкая кровь в нем сильно чувствуется и отражается на его внешности. Да, Блок романтик со всеми достоинствами и недостатками романтизма. Этого почему-то никто не понимает, а ведь в этом ключ, разгадка его творчества и его личности. <...>

Для Блока, как для Фридриха Шлегеля, Слово — магическая палочка, которой он хочет заколдовать или расколдовать мир. Он, как Новалис, ищет самого тайного пути, ведущего его в глубины его собственного сознания. Он тоже в двадцать лет был бунтарем, хотел в своей гордыне сравняться с Творцом. <...>

Читая Тика, Шлегеля, Новалиса и немецких романтиков вообще, я всегда вспоминаю Блока. Все это мог сказать и он. У Блока даже внешность романтическая <...> Он как будто сошел с портрета какого-нибудь друга Новалиса или Шлегеля²³.

В том же духе писал о Блоке и Корней Чуковский:

...Если бы летом 1799 года Блок прочитал свои первоначальные стихи за столом у Каролины Шлегель — ей, Фридриху Шлегелю и Фридриху Шеллингу, — они почувствовали бы в нем своего. Какое письмо написала бы о нем Каролина своей удивительной дочери Августе! Его томление по Прекрасной Даме было бы сочувственно понято теми, кто лишь за год до того наблюдал, как из умершей девочки Софии фон Кюн ее неутешный возлюбленный создал себе вечную святыню, воплощение мирового блаженства, ту самую *Weltseele**, которая, по ощущению Шеллинга, составляет нерасторжимую связь между юдолью и Богом.

Не было бы ничего удивительного, если бы оказалось, что Блок слушал в йенском университете осенью 1799 года лекции о системе трансцендентального идеализма и гулял по окрестным холмам с двадцатилетним Brentano. С каким умилением читал бы его гимны Прекрасной Даме благочестивый Захария Вернер. В нем чувствовался мистик именно германского склада души, соотечественник Мейстера Экгардта, Иоганна Таулера, Якоба Бёме. Его боговидение было чисто тевтонское. Вообще в русском символизме Блок, как и Андрей Белый, — представитель германских, а не латинских литературных традиций²⁴.

* Мировая душа (нем.).

Из поэтов немецкого романтизма Блоку был, несомненно, близок упомянутый Клеменс Брентано — родство между двумя поэтами особо подчеркнул еще в 1923 году В.М. Жирмунский²⁵. Наибольший интерес, однако, Блок проявлял к творчеству «последнего романтика» — Генриха Гейне, ряд стихотворений которого перевел на русский язык; кроме того, в 1919–1920 годах он редактировал издание сочинений Гейне во «Всемирной литературе».

С германской культурой связана и крупнейшая из выполненных Блоком переводческих работ. Весной 1908 года, откликнувшись на предложение В.Ф. Комиссаржевской, Блок перевел для ее театра одну из известнейших романтических трагедий — драму Франца Грильпарцера «Праматерь». Свое понимание этой драмы Блок раскрыл в специально ей посвященной статье «Об одной старинной пьесе», где романтическая «трагедия рока» переосмысливается с позиций русского человека «страшной эпохи».

Итак, несомненно, что культура Германии, и прежде всего культура эпохи романтизма, была далеко не безразлична Блоку. В своей книге воспоминаний Гюнтер приводит слова Блока о том, что он (Блок) «любит Германию»²⁶.

И все же Блок не мог разделить восхищения молодого немецкого поэта, с пафосом декламировавшего стихи Георге. А поскольку Гюнтер настаивал на том, что стихи «мэтра» — вершина современной лирики, Блок, следует думать, скептически воспринимал и всю «новейшую немецкую поэзию», в том числе Рильке. Это становится особенно ясным в свете исканий Блока тех лет. Уже в 1906 году он чуждался крайних проявлений «декадентства» — индивидуализма, аристократизма, элитарности, эстетизма и т.д. «В сознании долга, великой ответственности и связи с народом и обществом, которое произвело его, художник находит силу ритмически идти единственно необходимым путем», — писал Блок в 1908 году в статье «Три вопроса»²⁷. Лозунги, под которыми выступал в Германии Стефан Георге, оказывались все менее приемлемыми для Блока, тяготевшего, как уже отмечалось, к «общественности» и традициям русского демократического искусства XIX века. Позднее, в 1919 году, Блок заметил, что доктрина «искусство для искусства» противоречит самой сущности искусства²⁸.

Знал ли Блок стихотворения Рильке? Ответить на этот вопрос со всей определенностью, к сожалению, не представляется возможным. Помета в записной книжке Блока («R.M.R. Das Buch der Bilder»), впервые обнаруженная С.А. Небольсиным²⁹, свидетельствует лишь о том, что к лету 1906 года имя Рильке было Блоку известно. Но держал ли Блок в руках «Книгу образов» (или какие-нибудь иные сборники Рильке), читал ли ее, — говорить об этом можно только предположительно. Сопоставление блоковского

«Ангела-Хранителя» с одноименным стихотворением из «Книги образов», развернутое в статье С.А. Небольсина, также не может служить доказательством знакомства Блока с немецким «первоисточником» (о принципиальном различии обоих стихотворений не раз упоминает и сам Небольсин³⁰).

Конечно, нельзя не пожалеть, что Блоку не пришлось (а если и пришлось, то лишь мимоходом) познакомиться со стихотворениями Рильке, в особенности же — со стихотворениями «русского периода». Религиозно-мистический накал «Часослова» был, как уже указывалось, сродни молодому Блоку и наверняка воодушевил бы его. Блок, если бы он действительно читал стихотворения Рильке, не мог бы не обратить внимания и на глубокую музыкальность его поэтической речи: этим отличается и блоковский стих. В перспективе развития европейской литературы XX века можно утверждать, что музыкальное начало поэзии воплотилось прежде всего в лирических стихах этих двух поэтов³¹.

Впрочем, винить Блока в том, что он прошел мимо Рильке, не приходится. «Младшие» символисты в ту пору были целиком погружены в решение собственных творческих задач; кроме того, в отличие от «старших» символистов (Брюсов, Бальмонт), они больше тяготели к национальной культуре, чем к западноевропейской. Даже такие «германофилы», как Андрей Белый или Вячеслав Иванов, были знакомы с творчеством Рильке весьма поверхностно. Лишь на рубеже 1910-х годов, когда некоторые из них (Андрей Белый, Эллис и др.) объединяются вокруг московского издательства «Мусагет», выделявшегося своей германофильской направленностью, их интерес к Рильке становится более определенным. Имя Рильке постоянно встречается, например, в переписке Эллиса и Андрея Белого с Э.К. Метнером, музыкальным и литературным критиком, идейным руководителем «Мусагета»³². Блок был тесно связан с «мусагетовцами», особенно в 1911–1912 годах: именно в этом издательстве вышли все три тома его «Собрания стихотворений». Тем не менее имя Рильке не упоминается ни в его переписке с Андреем Белым, ни в его письмах к Э.К. Метнеру.

В 1910-е годы произведения Рильке все чаще переводятся на русский язык и печатаются в наиболее видных изданиях или журналах. Так, в шестом номере «Русской мысли» за 1911 год появилась подборка стихотворений Рильке, переведенных А.А. Биском (инициатором публикации выступил Брюсов). В 1913 году в известном издательстве К.Ф. Некрасова был напечатан сборник «Современные немецкие поэты», в который вошло 39 стихотворений Рильке (переводчик В.Ю. Эльснер). В том же году и в том же издательстве в переводе Лидии Горбуновой (Лепешкиной) был издан роман «Заметки Мальте-Лауридс Бригге». Тогда же в переводе

Юлиана Анисимова в Москве выходит «Книга часов». Все эти издания обсуждались в русской периодической печати. Наконец, весной 1914 года в Киеве на русском языке была выпущена «Жизнь Марии» в переводе поэта В.Н. Маккавейского, перелавшего стихи Блока на французский язык и обменявшегося с ним в 1913 году несколькими письмами. Один экземпляр книги Маккавейский послал Блоку, снабдив его своим автографом (по-французски): «Господину Александру Блоку, моему любимому поэту, непобедимому и непобежденному»³³.

О поэзии Рильке Блок должен был не раз слышать от Ларисы Рейснер, с которой он общался и в первые месяцы после Октября, и особенно в 1920–1921 годах. Л.М. Рейснер увлекалась стихами Рильке, переводила их на русский язык. В 1917 году в журнале «Летопись» (№ 7–8) была напечатана ее статья «Райнер Мария Рильке». В 1919-м Лариса Рейснер работала над другой статьей, оставшейся неопубликованной: «Демель и Рильке до и после 1914 года»³⁴. В ней, между прочим, упоминается о пребывании поэта в Петербурге и ставится вопрос: «Что увидел Рильке в России?» Есть основания думать, что Л. Рейснер обсуждала с Блоком отдельные аспекты своей работы.

В дневнике Блока есть запись (от 18 января 1921 года): «Моховая: Л. Рейснер — Рильке и проч.». Строчкой ниже добавлено: «Ларисы так и не было»³⁵. Это единственное известное нам упоминание имени Рильке, сделанное рукой Блока. Речь идет здесь о встрече в издательстве «Всемирная литература» на Моховой улице, где, можно предположить, было назначено в тот день обсуждение (видимо, не состоявшееся из-за отсутствия Рейснер) издательских планов, связанных с ее переводами из Рильке³⁶.

И тем не менее поэзия Рильке в целом осталась Блоку малоизвестной. Он знал о Рильке и, возможно, читал его в оригинале или в переводах, но ему не пришлось углубиться в творчество своего замечательного современника, почувствовать в нем созвучность собственному мироощущению. В многоголосом хоре современных поэтов Блок не расслышал совершенно особый, неповторимый голос своего германского собрата. Честь подлинного открытия Рильке принадлежала в России не Блоку, не символистам, а следующему поколению русских поэтов, прежде всего Пастернаку и Цветаевой.

* * *

Знакомство Рильке со стихами Блока следует отнести к 1907–1909 годам, когда в немецкой печати стали появляться первые переводы блоковских стихотворений (отдельные упоминания о нем

и ранее проскальзывали в обзорных статьях по русской литературе). В 1907 году три стихотворения Блока, переведенные Гюнтером («Отворяются двери — там мерцанья...», «День был нежно-серый, серый, как тоска...», «Все отошли. Шумите, сосны...»), были включены в антологию «Новейшая зарубежная лирика», изданную в Лейпциге Г. Бетге. Это первая публикация стихотворений Блока на немецком языке³⁷. В 1908 году в мюнхенском журнале «Nurregion» были напечатаны два других стихотворения Блока («Обман» и «Просыпаюсь я...») в переводе Р. Фон Вальтера³⁸.

Трудно допустить, что Рильке не видел этих изданий и, с его интересом ко всему русскому, не обратил внимания на новое для него имя. Работы эссеиста и литературоведа Ганса Бетге были ему хорошо знакомы хотя бы потому, что тот неоднократно выступал в печати с отзывами на книги самого Рильке. Бетге рецензировал ранний сборник стихотворений Рильке «Жертвы ларам» и сборник новелл «Последние»; подобно Рильке, был автором книги о группе художников «Ворпсведе»³⁹. Что касается журнала «Nurregion», то это издание было также хорошо известно Рильке: он печатал в нем свои стихотворения именно в 1908–1909 годах.

В этой связи следует подчеркнуть немаловажное обстоятельство: оба первых немецких поклонника и переводчика блоковской поэзии были в то же время и корреспондентами Рильке, его отдаленными знакомыми. Так, переписка Вальтера и Рильке завязалась уже в 1907 году на почве их взаимных русских интересов⁴⁰. Гюнтер же, по его собственному утверждению, получил от Рильке письмо в 1912-м — своего рода отклик на только что выпущенную им в свет антологию, озаглавленную «Новый русский Парнас»⁴¹.

Эта небольшая, изданная в Берлине книжка включала в себя стихотворения одиннадцати современных русских поэтов (Бальмонта, Андрея Белого, Блока, Брюсова, Вилькиной, З. Гиппиус, В. Иванова, Кузмина, С. Маковского, Минского, Сологуба), причем некоторые из них (например, Андрей Белый или Вячеслав Иванов) впервые появились на немецком языке. Блок представлен пятью стихотворениями: «Ты был осыпан звездным цветом...» (с посвящением Гансу Гюнтеру), «Просыпаюсь я — и в поле туманно...», «Бегут неверные дневные тени...» (с посвящением С. Соловьеву), «Я — меч, заостренный с обеих сторон...» и «Усталость» («Кому назначен темный жребий...»). О каждом из переведенных им поэтов Гюнтер подробно писал в «Предисловии» к своей книге. О Блоке говорилось следующее:

Вторым романтиком среди современных русских поэтов (правда, иначе, чем Бальмонт) является еще молодой Александр Блок, самый музыкальный среди них. Он — во многом

ученик Брюсова, главный же его учитель — Соловьев, подобно которому он, как и его друг Андрей Белый, видит вершину поэзии в символе Вечно-Женственного <...> Сопоставляя поэзию Блока с поэзией Верлена, мы обнаружили множество параллелей, так что отдельные стихотворения Блока казались нам порой переводами из Верлена. Та же чарующая мелодия, то же романтическое чувство, то же не совсем ясное различие между переживанием и выражением пережитого, та же не очень строгая форма, при том что оба они — парнасских кровей. Искусство и того, и другого легко обнаруживает немецкое влияние, при том что оба — патриоты. Вот один лишь пример — блоковский «Балаганчик». Разве эта лирическая драма не могла быть создана Тиком? Романтическая драма, в которой много театральности и меньше драматургии (мы не будем говорить здесь о Клейсте), неожиданно, спустя 100 лет, нашла в Блоке своего продолжателя <...> И нам кажется, мы не ошибемся, высказав предположение, что в Блоке, если только он достигнет большей энергичности выразительных средств и большей формальной чистоты, следует видеть одного из самых сильных и многообещающих поэтов России⁴².

Письмо Рильке к Гюнтеру, о котором упоминает последний, погибло вместе с остальным архивом переводчика. Поэтому мы лишены сегодня возможности сказать, кто из поэтов, представленных в антологии «Новый русский Парнас», привлек внимание Рильке. С уверенностью можно утверждать лишь следующее: уже в 1912 году Рильке знал имя Блока и был знаком с его стихотворениями; но, разумеется, в те годы поэзия Блока не имела и не могла иметь для него того значения, какое она приобретет позднее.

Подлинная известность Блока в Германии начинается после революции 1917 года и окончания Первой мировой войны. События в России резко обострили на Западе интерес к этой стране и ее культуре. Значительно возрастает число переводов с русского языка: по произведениям русских авторов, как классиков (Достоевского, Толстого), так и современных, интеллигенция Запада стремится осмыслить происходящее в России, понять истоки и причины масштабных событий и перемен. Неслучайно наиболее известным произведением Блока в Германии становится в этот период поэма «Двенадцать»⁴³. Не меньшей популярностью пользуется и стихотворение «Скифы», содержащее в себе открытый вызов «старому миру» и «цивилизованному» Западу. В 1921 году это стихотворение переводит на немецкий язык известный поэт-экспрессионист И. Голль (с его женой Клэр Штудер был знаком и состоял в переписке Рильке). В том же 1921 году оба произведения

Блока были выпущены в свет берлинским издательством «Scythen» («Скифы») в переводе Р. фон Вальтера.

Это левонародническое издательство, созданное в 1920 году по инициативе писателя Е.Г. Лундберга, в 1921-м выпустило ряд произведений Блока как на русском, так и в переводе на немецкий и французский языки. В своих письмах к Блоку от 16 ноября 1920 года, 10 апреля и 26 июля 1921-го Лундберг информирует поэта о деятельности «Скифов»⁴⁴. В ответном письме к Лундбергу от 31 января 1921 года Блок предоставляет «Скифам» «полное и исключительное право» на издание своих сочинений. В том же письме он одобрительно отзывается о Вальтере как переводчике: «Переводам Р. фон Вальтера верю»⁴⁵.

К апрелю 1921 года «Скифы» выпустили две небольшие книжечки Блока, переведенные Вальтером: «Gedichte» и «Skythen. Die Zwölf». Стихотворению «Скифы» было предпослано довольно обширное предисловие-эссе, в котором блоковская тема интерпретировалась и углублялась с позиций одного из «скифов». Написанное в экспрессионистской манере, эмоциональным взволнованным языком, предисловие Вальтера, как и стихотворение Блока, построено на противопоставлении «мы» (т.е. «скифы») и «вы» (т.е. «западный мир»). «Ваш мир рушится у нас на глазах», «на все у вас есть система и метод», «вы не перевариваете уже ничего естественного», «деньги и машины стали для вас воплощением свободы» — такие обвинения бросал Вальтер в лицо Западу, пытаясь, как он сам подчеркивал, «проследить те скрытые и угрожающие моменты, которые угадываются в перспективе блоковского стихотворения». «Мы» же, утверждал Вальтер от лица «скифов», несем в себе «вулканическое» начало, тот «священный огонь», в котором обновится мир, возрождаясь из «хаотического смятения». Подобно немецким экспрессионистам, Вальтер был убежден, что путь к грядущему возрождению лежит через невыразимые страдания, разруху и гибель, что преодолеть хаос можно, лишь погрузившись в него. «Чем сильнее мы себя потеряли, тем сладостнее найдем мы себя впоследствии», — восклицал Вальтер и призывал «спуститься» к материнскому началу, в котором, по его мнению, и осуществляется «воплощение» (Fleischwerdung).

Актуализируя стихотворение «Скифы», Вальтер ставит его непосредственно в контекст современных событий. «Проблема, которую в поэтически заостренной форме поднимает Блок, такова: противопоставление двух миров, из которых один обрел уже воплощение своего существа, другой же страстно стремится к этому. От того, как отнесется Запад к Восточной Европе, от его готовности взорвать старые и застывшие, хотя и почтенные, формы — взорвать для того, чтобы воспринять новое духовное содержа-

ние, — зависит решение вопроса о том, чем обернется так называемый конец так называемой войны — войной или миром»⁴⁶.

Обе книжки своих переводов, изданные «Скифами», Вальтер отправил Рильке. Ответ последовал незамедлительно — 6 апреля. Это письмо — наиболее развернутый отзыв немецкого поэта о творчестве Блока и одновременно свидетельство той немаловажной миссии, которую осуществляла тогда в Германии блоковская поэзия.

...Две книжечки, которыми я обязан Вам, — писал Рильке Вальтеру, — очень захватили меня. Ведь в них содержатся, хотя бы отчасти, истинные и достоверные сведения о России — первые, полученные мной. Великолепное стихотворение «Скифы», написанное Александром Александровичем Блоком еще в 1917 году, я считаю свидетельством такого рода не только на нынешний день, но и на долгое время. И Вы прекрасно написали о нем, дорогой господин Вальтер, в двенадцати коротких абзацах: единственное и самое важное. Поверьте, я не так уж «слепо влюблен», чтобы воспринимать блоковское стихотворение или Ваш комментарий как какую-то неожиданность. Но и то и другое — подтверждение факта, о котором я думал в течение всех этих ужасных лет, надеясь, что он обретет однажды реальность на священной для меня русской земле, и притом именно так: в силу своего глубинного предназначения и призвания Россия — единственная страна, возложившая на себя всю бесконечность страданий, чтобы переродиться в них. Трудно предсказать, какой она окажется, пережив их, но, во всяком случае, она будет иной, чем Запад, пытающийся их обойти стороной⁴⁷.

Вполне закономерно, что в блоковском стихотворении Рильке увидел «истинное и достоверное» свидетельство о новой России: тенденция «Скифов» вполне отвечала его собственным представлениям о «глубинном предназначении и призвании» этой страны. Неудивительно и то, что, познакомившись со «Скифами» Блока, Рильке стал проявлять интерес к деятельности одноименного издательства, с которым его пытался сблизить Вальтер⁴⁸.

Во всяком случае, в 1921 году Блок для Рильке — один из наиболее значительных поэтов современной России. Именно так отзывался Рильке о Блоке в разговоре с композитором Николаем Набоковым (1903—1978), двоюродным братом известного писателя. Встреча Н. Набокова с Рильке состоялась (если только она действительно состоялась!) в июне 1922 года; место встречи указано мемуаристом неточно⁴⁹. Если верить Набокову, Рильке, беседа с

ним, интересовался двумя современными русскими поэтами. Один из них был Маяковский (его фамилию, однако, Рильке не мог припомнить), другой — Блок. Набоков рассказал Рильке, что видел Блока однажды, в мае 1917 года на поэтическом вечере, и добавил, что поэт «умер в прошлом году».

«Знаю, знаю. Очень жаль, — сказал Рильке еле слышным голосом, — это огромная потеря для России. Я слышал, что после Пушкина Блок — один из лучших поэтов России». Затем Рильке сказал, что один немецкий издатель предлагал ему переводить стихотворения Блока, но он отказался. «Легко можно ошибиться, — приводит Набоков слова Рильке, — ведь русский язык мало приспособлен к тому, чтобы с него переводили. Насколько я могу судить, язык этот очень труден и очень нежен»⁵⁰.

В 1925 году (с января по август) Рильке живет в Париже. Тоска по России, никогда не оставлявшая поэта, с особой силой прорывается у него именно в эти месяцы. Рильке восстанавливает свои старые знакомства, завязывает новые. Среди тех, с кем общался Рильке в Париже, были люди, прямо или косвенно знавшие Блока (например, И.А. Бунин или художница Н. Гончарова, оформившая в 1920 году — совместно с М. Ларионовым — поэму «Двенадцать» для издательства «Скифы»). В это же время Рильке приобретает книгу «Портреты русских поэтов», изданную в Берлине Ильей Эренбургом. Среди четырнадцати писателей, включенных составителем в эту книгу (Ахматова, Андрей Белый, Брюсов, Волошин, Есенин, Вячеслав Иванов, Мандельштам, Маяковский, Пастернак, Марина Цветаева и др.), был также и Блок, представленный пятью стихотворениями («Россия», «О доблестях, о подвигах, о славе...», «Все на земле умрет — и мать, и младость...», «Рожденные в года глухие...» и «Скифы»). Естественно предположить, что Рильке, уже знакомый ранее с немецким переводом последнего стихотворения, пытается теперь прочесть его в оригинале.

К стихам каждого из поэтов составителем был предпослан «словесный портрет». Так, подчеркивая значение поэмы «Двенадцать» («величайшее явление в российской словесности» и т.д.), Эренбург сопоставлял Блока с Пушкиным. «Пушкин, — писал он, — был первой любовью России, после него она много любила, но Блока она познала в страшные роковые дни, в великой огневице, когда любить не могла, познала и полюбила»⁵¹. Рильке с интересом читал в этой антологии стихи Бориса Пастернака и, возможно, обратил внимание на стихотворения Марины Цветаевой.

Как известно, переписка Цветаевой и Рильке началась в мае 1926 года; посредником в их заочном знакомстве стал Борис Пастернак (Цветаева с детьми жила в те месяцы на берегу Атлантического океана, в маленьком рыбацком поселке Сен-Жиль-сюр-Ви).

Уже во втором своем письме к Рильке (12 мая 1926) Цветаева упоминает Блока. Сетуя на то, что эмигрантская пресса ее «высмеивает», Цветаева цитирует (не вполне точно) отрывок из своей статьи «Поэт о критике», только что напечатанной в брюссельском русском журнале «Благонамеренный». К статье была приложена подборка цитат из критических работ Г.В. Адамовича, озаглавленная «Цветник», — острая и язвительная полемика с этим писателем. В письме к Рильке Цветаева приводит слова Адамовича, вызвавшие у нее особое негодование, и затем излагает собственную точку зрения (все письма Цветаевой к Рильке написаны в оригинале по-немецки).

Один критик (Адамович. — К.А.) сказал о Блоке: «Четыре года, отделяющие нас от его смерти, примирили нас с нею, почти приучили нас к ней»⁵².

Я парировала: «Если достаточно четырех лет, чтобы примириться со смертью такого поэта, как Блок, то как обстоит дело с Пушкиным († 1837)⁵³ И как с Орфеем (†?). Смерть любого поэта, пусть самая естественная, противоестественна, т.е. убийство, поэтому нескончаема, непрерывна, вечно — ежемгновенно — длящаяся. Пушкин, Блок и — чтобы назвать всех разом — Орфей — никогда не может умереть, поскольку он умирает именно теперь (вечно!). В каждом любящем заново и в каждом любящем вечно.

Поэтому — никакого примирения, пока мы сами не станем «мертвыми». (Приблизительно — по-русски было лучше)⁵⁴.

Итак, Блок, поставленный рядом с Пушкиным и Орфеем, воспринимается Цветаевой как воплощение вечно живого поэтического начала. Приводя столь пространное рассуждение в своем письме к Рильке, Цветаева определенным образом пыталась подчеркнуть свою близость к нему, указать на общность их творческих исканий⁵⁵. Ясно, что Рильке, для которого символический образ певца Орфея был особенно дорог, не мог пройти мимо этих строк Цветаевой и той высокой оценки, какую она дала Блоку.

Одновременно с этим письмом Цветаева послала Рильке две свои книги: «Стихи к Блоку» (Берлин, 1922) и «Психея. Романтика» (Берлин, 1923). На первой из них Цветаева сделала следующую дарственную надпись: «За внешность книги не отвечаю, это для меня вообще не важно! — довольствуйся тем, что внутри! Райнеру Мария Рильке — Марина Цветаева. (Не замечаешь, что мое имя — укороченное твое?) Сен Жиль-сюр-Ви (Вандея) 12 мая 1926». Надпись на второй книге короче: «Райнеру Мария Рильке — моему

самому любимому на земле и после земли (над землей!). Марина Цветаева. Сен Жиль-сюр-Ви (Вандея) 12 мая 1926». (Обе надписи на немецком языке⁵⁶.)

Кроме того, каждую из посланных Рильке книг Цветаева снабдила своими пометами. Во-первых, она перевела на немецкий язык те слова, которые, как ей казалось, могли быть особенно трудны для Рильке. («...Я еще читаю по-русски, — признавался он Цветаевой в письме от 3 мая, — хотя и не без известного напряжения и труда...»⁵⁷) Приведем некоторые из русских слов, которые Цветаева перевела или разъяснила Рильке: благовест, бражничать, ворог, всевидец, кумач, окаянный, оторопь, охлест, пажить, перст, первенец, полог, прорезь, скаредник, фата и др. Помимо этого, на полях книги «Стихи к Блоку» Цветаева сделала две пояснительные надписи. Первая следует за стихотворением «Как слабый луч сквозь черный морок адов...» (С. 24). Комментируя отдельные места этого стихотворения, рассказывающего об известном выступлении Блока в московском Политехническом музее 9 мая 1920 года, Цветаева пишет (по-немецки): «Я видела тогда Блока в первый раз. Едва он вышел на эстраду, как взорвался завод снарядов на Ходынке (недалеко от Москвы). Он читал при разбитых стеклах». Вторая запись — пояснение к заключительному циклу «Стихов к Блоку», озаглавленному «Подруга» и посвященному Надежде Александровне Нолле-Коган, близкой знакомой Блока в последние годы его жизни. Цветаева также дружила с Нолле-Коган, часто виделась с ней перед отъездом за границу и, видимо, не раз расспрашивала ее о Блоке. Цветаева была даже убеждена, что сын Н.А. Коган, родившийся в 1920 году, — от Блока. Правда, впоследствии она отказалась от этой «романтической» легенды. Комментируя заглавие цикла, Цветаева поясняет, что он обращен к «его последней возлюбленной и ее (его) сыну, которого Блок ни разу не видел и которому незадолго до смерти он послал из Петербурга куклу, изображавшую арлекина, и старый перламутровый крест (с розами — считаю, что установила происхождение “Розы и Креста”). Ребенку (его тоже назвали Александром) было тогда три года»⁵⁸.

Рильке внимательно читал пояснения, сделанные Цветаевой по-немецки. Пытался он читать также «Стихи к Блоку» и «Психею», но стихи Цветаевой давались ему с трудом; за четверть века поэт основательно забыл русский язык. «Знаешь ли, что я переоценил свои силы», — признается Рильке 17 мая и добавляет (по поводу ее стихотворений): «Марина, мне трудны твои книги, несмотря на то что ты помогаешь мне в самых сложных местах»⁵⁹. Однако Рильке упорно продолжает читать Цветаеву. «И все же две книжечки, — пишет он в этом же письме, — сопровождают меня от окна к постели, и я предпочитаю их тем, которые читаются просто»⁶⁰.

Эти «две книжечки» («Стихи к Блоку» и «Психея») и были, по-видимому, последними русскими книгами, которые довелось читать Рильке в оригинале (он умер через семь месяцев, 29 декабря 1926 года), его «последней Россией» (слова Цветаевой)⁶¹.

Впервые: Русская литература. 1991. № 2. С. 144–156.

¹ Характерный пример — отзыв Б.Л. Пастернака в одном из писем к английскому переводчику и литературному критику С.М. Баура (1898–1971). Ознакомившись с его книгой «Наследие символизма» (Heritage of Symbolism. London, 1943), содержащей обзор творчества пяти европейских поэтов (П. Валери, Р.М. Рильке, Ст. Георге, А. Блока и В.Б. Йетса), Пастернак — в письме к автору от 25 декабря 1945 г. — сразу же выделяет имена Рильке и Блока («Ваши восхитительные строки о Рильке и Блоке») как наиболее для него (Пастернака) значительные и образующие в его восприятии некое единство (см.: Pasternak's Letters to С.М. Bowra (1945–1956) / Edited by Pamela Davidson // The Life of Boris Pasternak's «Doctor Zhivago» / Edited by Lazar Fleishman. Stanford, 2009. P. 70; серия «Stanford Slavic Studies». Vol. 37).

Общность между Рильке, Блоком и Йетсом отмечалась и другими авторами. Так, М.О. Цетлин в своей некрологической статье о Бальмонте подчеркивал: «Удивительно, что в эпоху машинную и механическую, в эпоху упадка культуры, появилось в мире несколько таких несвоевременных поэтов, как Бальмонт и Блок, Рильке и Йетс» (Цетлин М. К.Д. Бальмонт // Новый журнал (Нью-Йорк). 1943. № 5. С. 363).

² Цветаева М. О Германии (Выдержки из дневника 1919 г.) // Цветаева 4. С. 553).

³ Кажется, первым на это обратил внимание русский писатель Борис Вильде (1908–1942), живший в Париже и выступавший в печати под псевдонимом Борис Дикой. Ссылаясь на потустороннее общение Рильке с таинственной «Незнакомкой», являвшейся германскому поэту, по воспоминаниям княгини Марии фон Турн унд Таксис, в 1912 г. в замке Дуино (а также позднее), Б. Вильде писал: «“Незнакомка” немецкого поэта невольно напоминает о незнакомке Блока. И нет ли какой-нибудь таинственной и непостижимой связи между музами обоих поэтов?» (Б. Д<икой>. «Незнакомка» Рильке // Числа (Париж). 1933. № 9. С. 187).

⁴ Так, в письме к Н.О. Лернеру от 26 марта 1902 г., рекомендуя своему корреспонденту «новую поэзию <...> французов, немцев, англичан — особенно самых новых», Брюсов называет Верхарна, Вьеле-Гриффена, Анри де Ренье, Р. Демеля и Р.-М. Рильке (РГАЛИ. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 31).

⁵ «Вы получите при этом письме несколько поразительных стихотворений Rainer Maria Rilke», — пишет Шик Брюсову в июне 1903 г., прилагая текст четырех ранних стихотворений Рильке 1896–1898 гг. 1 августа 1904 г. он сообщает Брюсову: «...Я вышлю Вам на следующей неделе выписанную мною сегодня книгу стихов Rainer Maria Rilke. Между прочим, Rilke великолепно владеет русским языком. Он перевел на немецкий язык книгу А.Н. Бенуа о русском искусстве». И в другом, августовском письме: «Книгу Рильке “Das Buch der Bilder” (его последн<ья> кн<ига>) я вышлю Вам, как только получу ее, вероятно, через 2–3 дня. У него в этой книге прямо поразительные стихи. Вот — символист par excellence. Он видит во всем только символы, только “Bilder”;

отсюда и название книги» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 108. Ед. хр. 33. Л. 10 об.; 12; 22 об.; 25; речь идет о «Книге образов»; о переводе названия см. наст. изд., с. 367). Подробнее см.: *Азадовский К.М.* Максимилиан Шик и его письма из Германии (1903–1907 гг.) // Восприятие русской литературы за рубежом. XX век. Л., 1990. С. 116–133.

⁶ Брюсов В. Собрание сочинений: В 7 т. М.; Л., 1973. Т. 1. С. 605.

⁷ *Guenther J. von.* Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. Erinnerungen. München, 1969. S. 66–69.

⁸ См.: Письма И. фон Гюнтера Блоку / Публ. В.В. Дудкина // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 5. М., 1993. С. 292 (ЛН. Т. 92).

⁹ Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях / Материалы собрания Н.П. Ильиным и А.Е. Парнисом. Вступ. статья и публ. В.Я. Мордерер и А.Е. Парниса. Комментар. Ю.М. Гельперина, В.Я. Мордерер, А.Е. Парниса, Р.Д. Тименчика // Там же. С. 59. Надпись приведена также в кн.: *Guenther J. von.* Ein Leben im Ostwind... S. 148.

¹⁰ Об отношениях между Гюнтером и Блоком см.: Иоганнес фон Гюнтер и его «Воспоминания» / Статья, публикация, примеч. и перевод К.М. Азадовского // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга пятая. С. 330–340. См. также в коммент. к публикации «Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях» в кн.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 59–62 (ЛН. Т. 92); публикация блоковских дарственных надписей к Гюнтеру выполнена А.Е. Парнисом и Р.-Д. Клуге.

¹¹ *Guenther J. von.* Alexander Block. Der Versuch einer Darstellung. München, 1948.

¹² Ibid. S. 9.

¹³ Об И. фон Гюнтере и его деятельности см. подробнее: *Semjonow J.* Johannes von Guenther und die russische Literatur // Festgabe für Johannes von Guenther zum 80. Geburtstag am 26. Mai 1966. Nördlingen, 1966. S. 19–36; *Kluge R.-D.* Johannes von Guenther als Übersetzer und Vermittler russischer Literatur // Die Welt der Slaven. 1967. Jg. XII. H. 1. S. 77–96; *Kluge R.-D.* Ein Leben für die Literatur. Johannes von Guenther zum 85. Geburtstag // Osteuropa. 1971. Jg. 2L. H. 10. S. 825–827; *Guenther J. von.* Zur russischen Literatur. Aus den Briefen mit einem jungen Buchhändler 1962–1973 / Herausgegeben von Eberhard Thieme. Mannheim, 1990; *Thieme E.* Johannes von Guenther. Er brachte Stefan George nach Russland // Neue Beiträge zur George-Forschung (16). 1991. S. 27–32. «Ein Leben im Ostwind». Eine Ausstellung aus dem Nachlass des Übersetzers und Schriftstellers Johannes von Guenther (1886–1973) mit dem Katalog seiner russischen Bibliothek 9. Mai bis 14. Juni 1996. Tübingen, 1996; *Sippl C.* «München im Ostwind». Johannes von Guenther und der russisch-deutsche kulturelle Dialog // Junge Slawistik in Österreich. Beiträge zum 1. Arbeitstreffen Innsbruck 24.–26.2.1999 / Herausgegeben von Wolfgang Stadler, Eva Binder und Helmut Kalb unter Mitarbeit von Veronika Plößnig. Innsbruck, 2000. S. 87–102; *Guenther J. von.* Woldemar Klein und Der Moskowitzische Eros. Aus den unveröffentlichten Erinnerungen / Herausgegeben und kommentiert von Carmen Sippl und Fedor F. Poljakov // Imprimatur. Ein Jahrbuch für Bücherfreunde. Neue Folge XX. 2007. S. 285–296; и др.

См. также: *Азадовский К.М.* «...У нас с Вами есть что-то родственное» (Белый и Иоганнес фон Гюнтер) // Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 470–481; *Харер К.* Кузмин и Гюнтер // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 267–275.

¹⁴ Все письма Вальтера к Блоку хранятся в РГАЛИ (Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 182). Сохранилась также дарственная надпись Вальтера в виде сонета, обращенного к Блоку, на его книге «Neun Sonette und ein Epilog im Saphischen geschrieben:

1909–1912». Leipzig, <1912>. Эту книгу Вальтер подарил Блоку в Петербурге 22 декабря 1912 г. (см.: Библиотека А.А. Блока. Описание. Кн. 3. Л., 1986. С. 158–159). См. также: Поляков Ф. Автографы символистского круга в архиве Рейнгольда фон Вальтера (I) // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. М., 2009. С. 574–582.

¹⁵ *Guenther S. von.* Alexander Block. Der Versuch einer Darstellung. S. 14.

¹⁶ *Guenther J. von.* Ein Leben im Ostwind... S. 82, 112, 124 u. a.

¹⁷ «Книга образов» («Das Buch der Bilder») вышла вторым и расширенным изданием в декабре 1906 года.

¹⁸ *Guenther J. von.* Ein Leben im Ostwind... S. 159.

¹⁹ *Idem.* Alexander Block. Der Versuch einer Darstellung. S. 13.

²⁰ *Idem.* Ein Leben im Ostwind... S. 112.

²¹ *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. С. 193.

²² См.: Библиотека А.А. Блока. Описание. Кн. 1. Л., 1984. С. 162–163, 241–243, 274–277; Кн. 2. Л., 1985. С. 373; Кн. 3. Л., 1985. С. 243–244, 262.

²³ *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1988. С. 172–174.

²⁴ *Чуковский К.* Книга об Александре Блоке. Пб., 1922. С. 30.

²⁵ *Жирмунский В.М.* Из истории текста стихотворений Александра Блока // *Жирмунский В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 243.

²⁶ *Guenther J. von.* Ein Leben im Ostwind... S. 216. Весной 1922 г. в письме к В. Грегору, немецкому переводчику поэмы «Двенадцать» и драмы «Роза и Крест» (см. подробнее наст. изд., с. 363), Л.Д. Блок, со своей стороны, упоминала о любви поэта к Германии. Это явствует из ответного письма Грегора от 26 мая 1922 г., где сказано: «Очень меня обрадовали также Ваши слова, что Александр Александрович любил немцев» (РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 50. Л. 3 об.).

²⁷ *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 238.

²⁸ *Он же.* Дневник. М., 1989. С. 298.

²⁹ *Небольсин С.А.* Об одном событии в лирике А. Блока // Революция 1905–1907 годов и литература. М., 1978. С. 91–114. Раскрыв аббревиатуру «R. M. R.», С. Небольсин делает категорический вывод о том, что летом 1906 г. Блок познакомился с первым изданием «Книги образов» и обратил в ней внимание на стихотворение «Ангел-Хранитель» (С. 101). Между тем запись, на которой основываются все рассуждения С. Небольсина, вовсе не принадлежит Блоку. Она сделана рукой И. Гюнтера, скорее всего в марте–апреле 1906 г., когда немецкий поэт находился в Петербурге. (12-я записная книжка Блока, в конце которой помещена эта запись, охватывает период с января по август 1906 г.) Можно предположить, что в одной из своих бесед с Блоком Гюнтер указал ему на сборники своих любимых поэтов — Рильке, Гофмансталя и Шлосса (о забытом ныне немецком поэте К. Шлоссе см. в мемуарах Гюнтера: *Guenther J. von.* Ein Leben im Ostwind... S. 85–86). Все названные Гюнтером книги были изданы между 1902 и 1904 гг. (их выходные данные приведены не вполне точно — видимо, Гюнтер записывал по памяти).

³⁰ «...“Похожего” у двух авторов крайне мало», «нельзя говорить здесь о богатстве переключек и созвучий» и т.п. (*Небольсин С.А.* Об одном событии в лирике А. Блока. С. 108–109). Подчеркивая очевидную разнонаправленность обоих стихотворений, автор усматривает в блоковском «Ангеле-Хранителе» скрытый, хотя и «необычайно выразительный» ответ Рильке (С. 110). Разумеется, в плане историко-культурном и даже типологическом сопоставление этих

двух одноименных произведений вполне допустимо; возражение вызывает лишь тезис о безусловном знакомстве Блока с данным стихотворением Рильке.

³¹ В своей статье, посвященной Стефану Георге (1911), Гюнтер упоминает о поэтах, «которые придают первенствующее значение слову и его звучности». Среди них, подчеркивает Гюнтер, «имеются и крупные, пользующиеся заслуженной славой, дорогие нам и создавшие прекрасные произведения. Во Франции, например, Малларме, в Германии — Рильке, в России — Блок» (Аполлон. 1911. № 3. С. 67).

³² См. письмо Эллиса к Э.К. Метнеру от 17 января 1913 г. (ГБЛ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 2), письмо Э.К. Метнера к Андрею Белому от 17 сентября 1910 г. (НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 17) и др.

³³ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 319. Л. 9. См. также: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 837.

³⁴ Сохранилось несколько экземпляров этой статьи (см.: НИОР РГБ. Ф. 245. Карт. 3. Ед. хр. 35; РГАЛИ. Ф. 1693. Оп. 1. Ед. хр. 7). Один из них (машинопись) — в архиве редакции журнала «Красная новь» (РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 1310).

³⁵ Блок А. Дневник. С. 329.

³⁶ См. подробнее: Шоломова С.Б. Александр Блок и Лариса Рейснер // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 244–245. (Уч. зап. Тартуского ун-та; вып. 535).

³⁷ Die Lyrik des Auslandes in neuerer Zeit / Herausgegeben von H. Bethge. Leipzig, 1907. S. 317–318 (2-е изд. — 1919). Рецензия на эту книгу, написанная В. Гофманом, была помещена в журнале «Весы» (1908. № 1. С. 127–128). О переводах Блока и восприятии его творчества в Германии см. работы Маргарете Бааде: Baade M. Alexander Block. 60 Jahre deutscher Rezeptionsgeschichte. Ein Überblick (1905–1966) // Zeitschrift für Slawistik. 1967. Band XII. Heft 3. S. 328–363; Baade M. Grundfragen der Übersetzung von Dichtung Alexander Blocks ins Deutsche // Zeitschrift für Slawistik. 1969. Band XIV. Heft 1. S. 1–11.

³⁸ Hyperion. Eine Zweimonatsschrift / Herausgegeben von Franz Blei und Carl Sternheim. 1908. Jg. 1. Bd. 3. H. 6. S. 143–144.

³⁹ См. соответственно: Neuland. Monatsschrift für Politik, Wissenschaft und Kunst (Berlin). 1896. H. 2 (November). S. 153; Das litterarische Echo. Halbmonatsschrift für Litteraturfreunde (Berlin). 1902. H. 8 (Januar). S. 568; Wörpswede (Hans am Ende. Fritz Mackensen. Otto Modersohn. Fritz Overbeck. Carl Vinnen. Heinrich Vogeler). Von Hans Bethge. Berlin, <1907>.

⁴⁰ Письма Рильке к Вальтеру впервые опубликованы в мюнхенском журнале «Der Gral. Monatsschrift für Dichtung und Leben» (1929. Jg. 23. H. 5 (Februar). S. 397–402). Первое письмо — из Парижа от 21 октября 1907 г.

⁴¹ Guenther J. von. Ein Leben im Ostwind... S. 377. В этой же книге (S. 362) Гюнтер упоминает, что в Митаве, в его личной библиотеке, хранился (до 1914 г.) экземпляр поэмы Рильке «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке» с дарственной надписью автора.

⁴² Neuer russischer Parnass. Ausgewählt, eingeleitet und übertragen von Johannes von Guenther. Berlin, 1912. S. 37–38. О родстве драматургии Блока, Сологуба и Ремизова с произведениями немецких романтиков (в частности, пьесой Л. Тика «Кот в сапогах») упоминает также Б.В. Михайловский в статье «Символизм» (Русская литература конца XIX — начала XX в. М., 1971. С. 258–259).

⁴³ См.: Baade M. Aus der deutschen Rezeptionsgeschichte zu Alexander Blocks Poem «Die Zwölf» (1919–1933) // Deutschland — Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit. Berlin, 1966. S. 293–298.

⁴⁴ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 15.

⁴⁵ Блок А. Дневник. С. 332.

⁴⁶ Block A. Scythen. Die Zwölf. Übertragen und eingeleitet von Reinhold von Walter. Berlin, 1921. S. 11, 15, 17 etc.

⁴⁷ Der Gral. Monatsschrift für Dichtung und Leben. 1929. Н. 5 (Februar). S. 399–400.

⁴⁸ См.: Briefwechsel. S. 459 (письмо Рильке от 29 декабря 1921 г.). См. также письмо Рильке к Вальтеру от 4 июня 1921 г. (Der Gral. 1929. Н. 5 (Februar). S. 400–402).

⁴⁹ В воспоминаниях Н. Набокова сказано, что его беседа с Рильке состоялась в июне 1922 г. в Веймаре. Однако в это время Рильке безвыездно жил в Швейцарии. Другим участником этой встречи, как она описана у Набокова, был Гарри граф Кесслер (1868–1937), дипломат и меценат, хорошо известный в европейских литературно-художественных кругах (встреча протекала якобы на его веймарской вилле). Однако в опубликованной части дневников Кесслера за 1922 г. о встрече с Рильке или Николаем Набоковым не упоминается (см.: *Kessler Harry Graf. Tagebücher 1918–1937 / Herausgegeben von Wolfgang Pfeiffer-Belli.* Berlin; Darmstadt; Wien, 1967).

⁵⁰ Цит. по нем. изд.: *Nabokov N. Zwei rechte Schuhe im Gepäck. Erinnerungen eines russischen Weltbürgers.* Deutsch von Claus H. Henneberg und Helmut Jaestrich. München, 1979. S. 148. См. также полный русский перевод книги: *Набоков Н. Багаж. Мемуары русского космополита / Перевод с англ. Е. Большелавовой и М. Шерешевской.* СПб., 2003. С. 173.

⁵¹ *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин, 1922. С. 39.

⁵² Цветаева неточно цитирует по-немецки слова Г.В. Адамовича, писавшего о Блоке: «Четыре года, прошедшие со дня смерти Блока, — 7 августа 1921 года, — успели уже приучить нас к этой потере, почти примирить с ней. Но они не отодвинули Блока в историю...» (Звено (Париж). 1925. № 132. 10 августа. С. 2; раздел «Литературные беседы»).

⁵³ В оригинале описка: 1836.

⁵⁴ Письма 1926 года. С. 93.

⁵⁵ Любопытно в этом плане суждение Ю.К. Терапиано: «Если в ранних стихах Рильке есть что-то роднящее его с молодым Блоком (Блок, несомненно, знал Рильке), то в последних своих стихах — “Сонеты к Орфею” — Рильке напоминает иногда ритмы и образы Марины Цветаевой; его строки полны такого же страстного, вздымающего ввысь и срывающегося устремления» (*Терапиано Ю.* Избранное из Р.М. Рильке. Александр Биск // *Русская мысль.* 1958. № 1168. 9 января. С. 5); Этот же абзац повторяется и в более поздней статье Терапиано (*Русская мысль.* 1974. № 3007. 11 июля. С. 3).

⁵⁶ Письма 1926 года. С. 89.

⁵⁷ Там же. С. 84.

⁵⁸ См.: *Ingold F.P.* M.I. Cvetaevas Lese- und Verständnishilfen für R.M. Rilke. Unbekannte Marginalien zu «Stichi k Bloku» und «Psicheja» // *Die Welt der Slaven.* 1979. Jg. 24. Н. 2. S. 352–368.

⁵⁹ Письма 1926 года. С. 101.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Из письма Цветаевой к А. Тесковой от 2 января 1937 года (*Цветаева Б.* С. 448).